

ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ДОМИНАНТ РУССКОГО ЯЗЫКА**Л.Б. Карпенко***Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П.Королева, Самара, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается пространственность как одна из концептуальных доминант современного русского языка. Показано, что русский язык фиксирует заостренное внимание на предметно-пространственной характеристике ситуации и экспликации реальных пространственных отношений. Пространственность в современном русском языке находит выражение на всех основных языковых уровнях: на содержательно-смысловом, на грамматическом, на уровне лексики и словообразования. Такая последовательная выраженность пространственности в языке и речи позволяет говорить о данной категории как об одной из концептуальных доминант русского языка. Многие акциональные и атрибутивные понятийные категории в русском языковом сознании соотносятся с категорией пространственности, своеобразной матрицей, формирующей и отражающей взгляд на мир.

Ключевые слова: русский язык, пространственность, доминанта, концептуализация.

Под языковой концептуализацией понимается осмысление и интерпретация реальности в понятийной системе, свойственной данному языку, и оформление этих представлений в средствах разных языковых уровней. Семантическими, или концептуальными, доминантами называют «фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке» [Петрухина 2003:1], наиболее значимые аспекты языковой картины мира, базовые концепты. Цель данной статьи – показать проявления концептуализации пространственности как одной из наиболее важных доминант русского языка.

Широкое распространение пространственного типа детерминации как «особенность этнокогнитивной специфики русского языка, свидетельствующей об ориентации его на пространственно-предметный аспект мира» была отмечена Н.Д. Арутюновой в связи с анализом экзистенциальных предложений [Арутюнова 1999: 791]. По нашим наблюдениям, концептуализация идеи пространственности охватывает не только бытийный тип предложений, но всю систему русского языка, она находит выражение на всех основных языковых уровнях: на содержательно-смысловом, на уровне грамматики (как в морфологии, так и в синтаксисе), на уровне лексики и словообразования и отражается в парадигмах разноуровневых единиц в речи носителей языка.

В современном русском языке пространственная семантика может быть выражена почти всеми частями речи (за исключением числительных, модальных слов и союзов). Лексические средства пространственной семантики представлены словами определенных тематических групп – существительными, обозначающими измерения, параметры, стороны объектов (*высота, глубина, длина, ширина, площадь; верх, низ, бок, перед, сторона* и т. д.) и разнообразные пространственные понятия, сооружения и объекты, включая человека, его конституцию и духовный мир (*бесконечность, пространство, даль, ширь, долина, равнина, поле, дом, голова, сердце, душа* и т. д.); глаголами движения и перемещения (*выйти, перейти, прийти, дойти, уйти* и под.); прилагательными и наречиями, передающими признаки направления и пространственного измерения (*верхний, высокий, нижний, боковой, дальний, широкий; близко, внутри, вне, далеко, рядом; вверх, ввысь, вдаль, вниз, вширь, сверху, снизу, спереди, сзади*); местоимениями, указывающими на пространственные признаки (*этот – тот*). Из служебных частей речи в выражении пространственных отношений активно задействованы предлоги, передающие типы пространственного соположения объектов (*коробка на шкафу / в шкафу, возле шкафа, под шкафом* и т.п.). Даже наиболее далекие в функциональном и содержательном отношении разряды, такие, как частицы и междометия, содержат некоторое количество единиц, в которых присутствует идея пространственности: *вот, вон, вона!, вот те на!, вот те раз!*.

Системной организацией характеризуются также и словообразовательные средства пространственной семантики. Деривационная система русского языка содержит целый ряд моделей образования имен существительных, прилагательных, наречий и глаголов, специализированных в выражении именно данного содержания. Среди словообразовательных типов имени существительного представлены ряды субстантивных моделей с семантикой места нахождения человека или животных: с суффиксом -овье: *верховье, гнездовье, зимовье, низовье*; с суффиксом -ище: *городище, зимовище, убежище; гнездовище, логовище, токовище*; отглагольных существительных, образованных с суффиксом -бище: *гульбище, лежбище, настбище, стойбище, стрельбище*; отглагольных существительных, образованных с суффиксом -лице: *вместиллице, жилище, училище, хранилище, чистилище; стойлице* и под.; отыменных существительных, образованных конфиксальным способом с пространственными приставками и суффиксом -ье: *заволжье, заречье, зауралье, подмосковье, предуралье* и др. Отдельную группу образуют отвлеченные существительные со значением протяженности и неограниченности пространства и действия, образованные суффиксально-префиксальным способом с приставками без-/бес- и суффиксом -ость: *безбрежность, безграничность, бесконечность, беспредельность*.

Среди словообразовательных типов имени прилагательного к пространственным относятся модели: прилагательных со значением неограниченного признака, образованных суффиксальным способом от соответствующих имен существительных: *безбрежный, безграничный бесконечный, беспре-*

дельный и др.; отглагольных прилагательных неограниченного признака, образованных суффиксально-префиксальным способом с приставкой *не* и суффиксами *-н* и *-им*: *неизмеримый, необозримый, необъятный, неохватный*.

Среди словообразовательных типов наречий: модели отыменных наречий, образованных из форм родительного падежа с предлогами *до, из, с*: *донизу, доверху, издали, сверху, снизу, сбоку*; наречий, образованных из форм винительного падежа с предлогами *в* и *на*: *вбок, вверх, вниз, вдаль, виширь, набок, наверх, налево, направо, назад, наперед* и др.; наречий, образованных из форм предложного падежа с предлогами *в* и *на*: *вверху, внизу, вблизи, вдали, наверху* и др.

В корпусе словообразовательных типов глагола это модели образования глаголов приставочным способом от глаголов движения с использованием приставок пространственной семантики: *ввезти, вывезти, довести, завезти, отвезти, перевезти, привезти, провезти, увезти; вогнать, выгнать, догнать, загнать, отогнать, перегнать, пригнать, прогнать, угнать* и т.д.; модель образования глаголов со значением движения в разные стороны, образованных конфиксальным способом с использованием конфиксов *раз-... -сь, раз-... -ся/ рас-... -ся*: *разойтись, разбежаться, раздвинуться, разъехаться, раскатиться, разлететься, разнестись, распространиться, расступиться, растечься*, а также их видовые корреляты несовершенного вида; модель образования глаголов со значением движения в одну точку, образованных конфиксальным способом с использованием конфиксов *со-... -сь, с-... -ся*: *сойтись, сбежаться, съехаться, слететься*, а также их видовые корреляты несовершенного вида.

В грамматике различие доминант в языках во многом связано со спецификой оформления имени и глагола: имя существительное называет компоненты ситуации и передает их предметно-пространственную семантику. Глагол лексически и грамматически выражает идею процессуальности и оценку ситуации по реальности/ирреальности, временной локализации, характеру протекания процесса, достоверности/недостоверности и т. д. Русский язык в своем историческом пути претерпел упрощение глагольной временной системы, развивая при этом систему предложно-падежных форм. В нем в системе именного склонения акцентируется предметно-пространственная семантика. А такие южнославянские языки, как болгарский и македонский, утратившие склонение имени существительного и развившие модально-временную систему, акцентируют семантику процессуальности и модальнооценочную семантику.

Грамматическая система русского языка характеризуется наличием строго организованных парадигм единиц, специализированных в выражении пространственных отношений. Основными средствами выражения пространственных отношений служат предложно-падежные формы. По нашим наблюдениям, в выборке из параллельных художественных и переводных текстов, насчитывающей 9 000 примеров, в русском тексте они передают пространственные отношения в 90, 4 % случаев. Русские предложно-падеж-

ные формы с пространственным значением имеют строгую, закономерную организацию, которая заключается в следующем.

Падежи, не маркированные в выражении пространственности определенного типа, сочетаются в предложно-падежных формах с сильными, маркированными, предлогами, а предлоги, не маркированные в выражении конкретного пространственного значения, сочетаются с сильными (маркированными) падежами. Слабыми в выражении пространственности можно считать предлоги *в* и *на*, которые могут использоваться при выражении значений как направления (куда?), так и места (где?). Конкретный тип этих пространственных отношений передают падежи – винительный и предложный: *приехал в город, приехал на площадь; жил в городе, жил на площади*. Таким образом, в любой пространственной предложно-падежной форме современного русского языка есть по крайней мере один маркированный член: *в страну – в стране – до страны – из страны, около страны*. В целом же любая предложно-падежная пространственная форма русского языка является автосемантической, т.е. самодостаточной грамматической единицей, способной в отрыве от контекста обозначать, в выражении какого из трех типов категориальных пространственных отношений куда? – где? – откуда? она участвует.

В системе морфологических средств основные пространственные предложно-именные конструкции русского языка образуют симметричную парадигматически организованную систему моделей специализированных в выражении трех типов категориальных пространственных отношений: места действия, направления перемещения от ориентира, направления перемещения к ориентуру. Не во всех индоевропейских, и даже славянских, языках имена дифференцируют эти очевидные для носителей русского языка значения.

Маркированность пространственной грамматической семантики в предложно-падежных формах русского языка обуславливает тяготение таких структур к фразеологизации, их самодостаточность или обязательную сочетаемость с управляющими глаголами, ср.: *под боком, под ногами, под носом, под рукой, под спудом, за глаза, через силу; приходиться на ум, приходиться в голову, заглянуть в душу, крутиться в голове, валиться из рук*. Пространственная модель как универсальная используется, по нашим наблюдениям, во всех метафорических типах, выявленных В.Н. Телия [Телия 1996: 142–146], лежащих в основе идиом русского языка: идентифицирующем (*бок о бок, под боком, под рукой, под носом, не за горами* и др.); концептуальном (*на уме, приходиться на ум, приходиться в голову, крутиться в голове, уйти в мысли*); образном (*идти в атаку, отсиживаться в закутках* и т. д.) типов. Среди фразеологизмов, получивших распространение в последние десятилетия, многие имеют пространственную структуру: *в красной/зеленой зоне, за бугром, на линии соприкосновения, сидеть в бункере, выйти на плато, не сходить / не сворачивать с социальной дистанции, подняться на самый верх* и т. д. Примечательно отражение в фразеологическом материале различий в

тяготении языков к предметно-пространственной или временной, событийной, семантике: если в русском языке отмечается активность фразеологизмов пространственных моделей, в болгарском материале в случаях расхождений находит выражение характер протекания действия. Ср. примеры, взятые из *Русско-болгарского фразеологического словаря* под редакцией С. Влахова (1980) [Влахов 1980: 9]: *быть за бортом – изхвърлен съм; взлететь на воздух – да бъда взривен; взять с места – тръгна, петегля рязко, изведнъж; сдвинуть с места – размърдам някого; сдвинуться с места – размърдам се; как в воду опущенный – като попарен* и т. п.

В языке и речи пространственность подробно «прорабатывается» взаимодействующими средствами разных уровней (ср. высказывание: *Следуя за рекой, тропа уклоняется на восток, но не доходит до истоков, а поворачивает опять на север и взбирается на перевал* (Д. Узала), в котором задействованы средства морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического уровней). Данная понятийная категория задает концептуализацию русской языковой картины мира, выраженность и предела как границы действия (Е.В. Петрухина), проявляющейся в пределах пространства стихийности (А. Вежбицкая), – доминант, выявленных в современном русском языке в результате сопоставительных этнолингвистических и когнитивных исследований. Важнейшие акциональные и атрибутивные понятийные категории, такие, как бытийность, статичность, динамичность, предельность, градуальность, possessивность и т.д., в русском языковом сознании соотносятся с категорией пространственности, которая служит организующей схемой оформления мысли, своеобразной матрицей, формирующей и отражающей взгляд на мир.

Пространственная доминанта русского языка проявляется в распространенности предложений бытийного типа с пространственными детерминантами, часто имеющими формальный характер. Формальный пространственный детерминант регулярно употребляется при констатации положения дел, наличия или отсутствия чего-либо. В русских бытийных предложениях со значением общего указания на наличие/отсутствие чего-либо и в предложениях характеризации формальными фразеологизованными маркерами пространственной семантики служат предложно-падежные формы *на свете, в мире*: *Истинно великие люди... должны ощущать на свете великую грусть; стыд-то какой теперь завелся на свете!* (Ф. Достоевский); *...мечтать ведь можно обо всем на свете...* (Ч. Айтматов); *...горы стояли в цепенеющей и отстранившейся ото всего на свете стьлой тишине* (Ч. Айтматов); *Нельзя жить на свете с фамилией «Сивуха»!* (Б. Акунин); *Забудь все на свете* (В. Суворов). *Нет ничего в мире труднее прямодушия, и нет ничего легче лести* (Ф. Достоевский); *Все в мире начинается с организации* (В. Суворов); *...иного хода жизни нет и не будет в мире* (Ч. Айтматов); *А то дело, что он на мечах первый в мире* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

Русское выражение *на дворе* метонимически обозначает среду вне жилища на открытом воздухе, на природе, как место сезонных, погодных, темпе-

ратурных, световых, звуковых иных состояний и место проявления времени: *На дворе у нас все было тихо, в доме княгини было темно* (М. Лермонтов); *На дворе стемнело, и гости удалились* (И. Тургенев). *В комнате было душно, свечка горела тускло, на дворе шумел ветер. На дворе совершенно густой туман и ничего разглядеть нельзя* (Ф. Достоевский); *...на дворе июнь, тепло* (А. Рыбаков); *Подписал приказ: шесть часов и за ворота выгнать... А на дворе – ноябрь* (А. Солженицын). В качестве формальной, строевой единицы пространственный детерминант *на дворе* регулярно употребляется в предложениях, передающих тенденции развития общества, черты времени: *Год на дворе одна тысяча девятьсот тридцать седьмой* (В. Суворов); *Уже не важно, каково там на дворе тысячелетие; Вот и двухтысячный год на дворе; Но теперь на дворе век Интернета*. Анализ параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка показывает, что соотношение примеров с выраженной идеей пространства в русском тексте и нулевым выражением в текстах на таких языках, как болгарский, французский, – достаточно часто наблюдаемое явление.

Пространственные детерминанты служат важным структурным элементом типичных для русского языка моделей безличных предложений, использующихся при характеристике:

а) состояния в природе, окружающей внешней среде:

Когда в небе стало совсем светло (И. Бунин); *Накрапывало, хмурилось, в переулках стало пусто* (И. Бунин); *Черно было кругом* (А. Приставкин); *в вершинах кленов и лип тревожно прошумело, потемнело и посвежело* (М. Булгаков); *В подворотне темно* (Б. Акунин); *...езде темно* (Т. Полякова); *...здесь так страшно и темно* (Ч. Айтматов);

б) ситуации внутри помещения: *в хибарке потемнело* (Л. Соловьев); *в квартире сделалось вовсе темно* (Б. Акунин); *на балконе потемнело* (М. Булгаков); *И темно в купе. И в коридоре темно* (В. Суворов);

в) состояния внутри организма человека: *В ушах шумит, в голове шумит, как будто от хмеля* (Н. Гоголь); *Бежит, а в глазах темно от бешенства* (Б. Акунин); *В голове мутнело* (А. Приставкин); *в голове у великого визиря загудело...* (Л. Соловьев); *И, весь напрягшись до того, что загудело в ушах* (Е. Замятин); *Сижу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

Перечисленные разновидности безличных предложений характеризуются единством выражаемого в них значения независимого признака статического или динамического состояния определенной пространственной среды. Коммуникативной общностью задается сходство грамматического построения данных моделей: в структуру всех разновидностей безличных предложений как необходимый член входит пространственный детерминант (обычно препозитивный), обозначающий пространственные границы ориентира, в которых локализуется признак состояния. Различие семантических модификаций детерминанта заключено в лексических значениях наречий и

существительных: *здесь, везде, кругом, в небе, в переулке, в квартире, в коридоре, в купе, в голове, в душе, в глазах.*

Пространственные модели служат основой для оформления иных, более абстрактных, сфер (временной, причинной, целевой, сферы восприятия, характеристики ментальной деятельности человека, эмоционального состояния, семантики посессивности и т. д.). Время действия выражается моделями конструкций на основе пространственных предлогов (*с весны, до весны, к весне, перед весной*), цель может передаваться моделями, подобными по структуре директивным конструкциям (*готовиться к рыбалке, ехать на рыбалку, ходить по грибы, по ягоды, идти по блины*), причина – предложно-именными конструкциями с предлогами удаления: *с горя, из ревности, от ревности, из-за ревности*; отношения условия и уступки могут передавать конструкции с предлогом *при* с исходным значением близости (*при хорошей погоде, при всех достоинствах* и под, значение посессивности передается конструкциями с предлогом *у* (*у него есть автомобиль*), а семантика образа действия и концепты состояния – предложно-падежными формами с предлогом *в* и предложным падежом. Проявление интенсивного эмоционального или болезненного психического состояния человека концептуализируется в русском языке как среда, в которую человек погружен. Переживание таких состояний оформляется по пространственной модели: *быть в восторге / в восхищении, в волнении, в задумчивости, в удивлении, в умилении, в бреду, в беспамятстве, в бессилии, в злобе, в испуге, в лихорадке, в недоумении, в нетерпении, в ожидании, в отчаянии, в смущении, в страдании, в страхе, в тоске, в тревоге* и под. Ср. следующие примеры: *Публика была в восторге* (Н. Склярова); *Королева в восхищении* (М. Булгаков); *Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз* (М. Лермонтов); *Раскольников в бессилии упал на диван, но уже не мог сомкнуть глаз; он пролежал с полчаса в таком страдании, в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса, какого никогда еще не испытывал; Разумихин стоял в задумчивости и в волнении и что-то соображал; Соня бросилась к дверям в испуге.* (Ф. Достоевский).

Для русской речи характерна максимальная экспликация пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Проявление этой особенности можно видеть в избыточности употребления единиц пространственной семантики в высказывании. В предложениях событийной семантики подверглись фразеологизации формальные пространственные конструкции *замереть на месте, застыть на месте, потоптаться на месте, встать с места, сдвинуться с места, подняться с места, сесть на место, отправиться в дорогу, тронуться в путь, оглядеться по сторонам* и под. Показательны побудительные реплики типа: *Поддай сюда! Пойди сюда (отсюда, вон, прочь)! Положи (сядь) на место! Садись за стол!* и под. В них регулярно используются маркеры, определяющие предметно-пространственную ситуацию речевого акта. Регулярность употребления избыточных единиц пространственной семантики в русскоязычном дискурсе можно видеть при сравнении параллельных оригинальных и переводных текстов.

Выводы. Пространственность получила интенсивное и многообразное выражение в русском языке, она охватывает всю систему языка: проявляется в лексике – в обилии единиц пространственной семантики разных частей речи; в словообразовании – в распространенности пространственных деривационных моделей; в морфологии – в закономерном характере объединения падежей и предлогов в составе предложно-падежных форм; в синтаксисе – в парадигматической организации обстоятельств по категориальным пространственным значениям, в распространенности бытийных предложений с пространственными детерминантами, в оформлении абстрактных значений на основе моделей пространственной семантики. Такая последовательная выраженность пространственности в языке и речи позволяет говорить о данной категории как об одной из концептуальных доминант русского языка.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Человек и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Влахов С. Русско-болгарский фразеологический словарь. М.: Русский язык; София: Наука и искусство, 1980. 582 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskorpora.ru> (доступ: 12.03. 2024).
4. Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб, 2003. 7 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.